

Первый Международный конкурс пианистов имени Сергея Рахманинова

Первый Международный Рахманиновский конкурс завершился. Две недели, проведенные в ожидании чуда, в надежде на открытие, в постоянной готовности забыть о финансовом кризисе и купить букет роз для победителя... Но напряжение это, изрядно подогреваемое комментариями прессы (от восторженных до разоблачительных) не исчезло после торжественных слов, щедрых подарков и премий, после заключительного концерта лауреатов и — «доперестроечного» по ассортименту блюд — банкета в «Праге». Конкурс оставил после себя почти осязаемое чувство разочарования. Почему? Именно в этом я попытаюсь разобраться, опираясь не только на личные впечатления, но и на высказывания членов жюри и отзывы прессы.

Вниманием прессы Рахманиновский конкурс обделен не был — количество публикаций превзошло число участников, членов жюри и организаторов вместе взятых. Однако тон многих статей, заметок и интервью — весьма негативный, порой даже агрессивный. Конечно, сам по себе критический настрой и столь активное освещение события из области серьезной музыки в общественно-политической прессе — явление отрадное, и с авторами многих высказываний можно согласиться. И все же ряд неудач конкурса резонно причислить к разряду объективно-обусловленных — и общим хаосом в стране, и пугающим обнищанием культуры, и весьма умеренным энтузиазмом коммерческих структур, да и правительства России в вопросах финансовой поддержки культуры, если это не связано с культурой «массовой». Правда, Президент Ельцин прислал в адрес конкурса приветственную телеграмму, в которой говорится: «Знаю, насколько трудно было организовать этот праздник искусства, но у организаторов хватило сил и энергии, чтобы конкурс состоялся. (...) Пусть музыка великого Рахманинова дарит нам радость и очищение, помогает преодолевать сегодняшние трудности».

В таких условиях появляется первый в Москве, второй в Новой России (после Первого Международного конкурса имени Прокофьева в Петербурге) — Международный конкурс пианистов имени С.В. Рахманинова.

Впрочем, кому он обязан своим появлением на свет, остается неясным. Газета «The Moscow Times Review» (6-7.02.1993) сообщает, что «профессором, собравшим все мужество для превращения в жизнь мечты о конкурсе», был Сергей Доренский. Сам он рассказывает об этом так: «1983 год. Обыкновенное совещание по идеологической работе у Демичева; как всегда, все мы произносим пустые слова... И вдруг — словно озарение. Я понял, что должен поднять вопрос о конкурсе, сейчас или никогда. И я сказал Демичеву: «Это стыдно. Рахманинов — святое для нас имя. Есть конкурсы его имени за рубежом, у нас же...» Он ответил: «Напишите мне об этом письмо, я поддержу вас.» Это было еще до Горбачева, но мы можем считать это первым примером гласности».

Общезвестно, однако, что идея и организация этого конкурса стали «главной целью жизни» профессора Московской консерватории Виктора Мержанова (интервью «Независимой газете» от 11.02).

Эти мелкие разногласия все же не скрывают главного — невежества и ограниченности наших бывших властей в области культуры, что проявилось и в отношении к музыке (хотя при чем здесь музыка, просто — к имени) эмигранта Рахманинова. Ведь, как написано в одной из книг 70-х годов, «композитор не понимал исторического смысла великой очистительной бури и не

захотел принять нового строя жизни». Музыкальная жизнь была сродни политической: право на существование имела лишь одна партия, одно мнение и, естественно, один конкурс. До недавнего времени нам казалось, что в мире ежегодно не проходят десятки международных конкурсов — масштабных и «получастных», престижных и не очень; что существует лишь один — Луч-

евой), С. Главатских (класс профессора Е. Малинина), Н. Петрушенко (выпускница профессора С. Доренского), Х. Хидейо (студентка профессора Высшей музыкальной школы в Трессингоне В. Мержанова). И М. Вайнер из Петербурга.

Жюри предстало в несколько сокращенном составе — не смогли приехать П. Ратталино (Италия), Г. Казадезюс (Франция),

финга для журналистов, где была подробно изложена процедура голосования) распространились слухи о том, что лидер известен. Доходило до курьезов: перед началом прослушивания третьего тура случай свел меня с тремя иностранными членами жюри. Обсуждая конкурс, они признались, что ощущают некоторую изолированность: «Вся Москва знает, кто станет победителем, а мы...» И обратились ко мне с вопросом: «А может быть, вы нам скажете?».

Впрочем, наверное, все это не так уж важно. Сколько из дальнего, сколько из ближнего зарубежья... Главное, что конкурс состоялся. Но... именно эта фраза уже не убеждает. А что вообще нужно, чтобы состоялся? Кто (или что) создает престиж конкурса? Организаторы, спонсоры, жюри? Заключительный банкет, на котором среди обилия осетрины и приглашенных терялись главные действующие лица? Соотношение открытий и разочарований, талант участников, количество исполненной музыки?

«Я совершенно убежден, что финал нашего конкурса — событие. Это уровень, достойный имени Рахманинова», — говорит В. Мержанов.

«...Упрямый звук необыкновенной амплитуды. Неиссякаемый запас ритмической жизненности, энергии. Полное, мягкое, бархатное туше. Сила. Громадная затаенная страстность, обуздываемая и сдерживаемая эстетическим чувством меры, грации и красоты. И сверх всего — управляющая всеми перечисленными преимуществами, до края всю игру наполняющая глубокая художественная осмысленность», — это слова Г.Э. Конюса из статьи «Klavierabend» С.В. Рахманинова. Ни одного из этих качеств я не нашла в игре победителей. А член жюри, шведский пианист Я. Шольм на вопрос о своих впечатлениях от конкурса грустно ответил: «Здесь, к сожалению, не было Рахманинова...»

Третий концерт в исполнении О. Пушечниковой... «Это было очень свежее, экспрессивное и поразительно естественное прочтение Рахманинова», — утверждает Т. Грум-Гржимайло в беседе с В. Мержановым («Независимая газета»; 11.02). Да, именно это хотелось бы услышать. Бессмысленно ожидать от 17-летней девушки исполнения, равнозначного по силе и индивидуальности высказывания, например, интерпретации Э. Гилельса, но я не могу назвать «прочтением» по-ученически бойкую и уверенную игру.

А разве для мужчин-пианистов 21 год — не достаточно зрелый возраст для исполнения Рахманинова? Если да, то почему во втором концерте вместо «величия внутренней душевной тревоги», «организующей силы ритма

как обороны против душевного хаоса и прорыва плотины дисциплинированной воли стихией чувствований» (Б. Асафьев) слышатся лишь попытки быть романтичным (а если это удастся, то — в ущерб вкусу)? Что касается Первого концерта в исполнении М. Вайнера, то, кажется, этюдов в first-moll существует предостаточно.

«Должно быть открытие конкурса, открытие самобытного таланта, и О. Пушечникова более всех подходит на эту роль» (В. Мержанов).

Не думаю, что роль самобытного таланта можно исполнить (или — назначить на эту роль). Цель конкурсов — действительно открывать «звезды» или помогать этим звездам разглядеть. В связи с этим, кстати, остаются загадкой резкие выпады А. Агамирова («Независимая газета», 11.02) против конкурсов вообще: «Что и говорить, конкурсы музыкантов-исполнителей уже в силу своей спортивности не лучший способ выяснения музыкальной истины, хотя участие молодых гладиаторов-конкурсантов всегда шекочет нервы публике и волнует кровь профессиональных болельщиков».

Что есть музыкальная истина? И какое отношение это имеет к конкурсам исполнителей? Можно говорить о недостатках конкурсной системы, о «лауреатомании», о поверхностности, о виртуозности для виртуозности. Но кто укажет молодому исполнителю другую возможность заявить о себе, найти свою публику и — не вижу в этом ничего ужасного — сделать себе рекламу? Долго ли будет светить эта «звезда», покажет время. Но — ... «послушайте! Ведь, если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно? Значит — кто-то хочет, чтобы они были...» И если данный конкретный конкурс не удался, стоит ли обрушиваться на всю систему?

Впрочем, многое из написанного А. Агамировым осталось для меня неясным. «С года 1920 по 1943, т.е. до самой смерти Рахманинова, ему поклонялись, им восхищались только как пианистом. За пределами России, кроме ограниченного круга специалистов, Рахманинова почитают по сию пору только как величайшего исполнителя XX века». Странная логика: получается, что музыка Рахманинова звучит во всем мире только потому, что ее автор был великим исполнителем? Возникает образ, перекликающийся с официальным советским мнением о композиторе, вынужденном «дорогой ценой расплачиваться за собственную политическую близорукость, непонимание хода истории и неспособность возноситься над предвзвешенными рассуждениями окружающей его среды», как написано в известной книге «Рахманинов и его время».

И конкурс 1993 года ставил своей целью не «возродить интерес к музыке великого композитора и пианиста», как считает А. Агамиров, но опровергнуть представления и мнения, подобные процитированным выше.

И хотя за две конкурсные недели перед слушателями предстала достаточно широкая ретроспектива фортепианного творчества С.В. Рахманинова, сразу после концерта лауреатов захотелось услышать «затаенную страстность, сдерживаемую эстетическим чувством меры», «глубокую художественную осмысленность», «величие внутренней душевной тревоги», включив записи С. Рихтера, В. Клиберна, В. Горовица, Э. Гилельса... И ощутить наконец то, что председатель жюри В. Мержанов определил как одну из важнейших задач конкурса: «очищение исполнения от всего неискреннего, искажающего облик Рахманинова, освобождение от «спортивных» элементов», не имеющих ничего общего с истинной виртуозностью, определяемой вкусом и зрелостью пианиста».

Нина СПИРИДОНОВА
Фотографии А. Ратникова

Ольга Пушечникова

Род. 1975. В 1981 году поступила в ЦМШ в класс Е. Тимакина, педагога М. Плетнева. В 1987 получила III премию на Международном конкурсе «Концертино Прага». Стипендиат программы Фонда культуры «Новые имена». Концертирует за рубежом — прошли выступления в Болгарии, Исландии, Дании, Швеции, Японии, США, Франции. В настоящее время учится в 11-м классе ЦМШ у профессора С. Доренского.

ший имени Чайковского. Возможно, этот максимализм и породил разочарование, выплеснувшееся на страницы газет после Рахманиновского конкурса? Что же происходило в Большом зале консерватории с 21 января по 6 февраля?

На участие в конкурсе было прислано 120 заявок. На предварительное прослушивание приехали 65 пианистов (три четверти из них — граждане России и ближнего зарубежья). К конкурсу же допущено было лишь 30 человек. Уже ко второму туру среди конкурсантов практически не осталось иностранцев. Третий тур и вовсе напоминал классный вечер (точнее, два вечера) профессоров Московской консерватории-членов жюри. На нем выступали: М. Филиппов (класс профессора В. Горностаевой), В. Шкарупа (бывший ассистент-стажер профессора В. Кастельского), О. Пушечникова (новая ученица профессора С. Доренского), А. Ботвинов (экс-ассистент-стажер профессора В. Горноста-

А. Йеннер (Австрия) и Р. Смедзянка (Польша). В итоге зарубежных членов жюри оказалось ровно столько, сколько и отечественных: Р. Бакст (Великобритания), Ф. Уотерман (Великобритания), Д. Поллак (США), Я. Шольм (Швеция), Р. Хенгер (ФРГ) и — В. Мержанов (председатель), В. Горностаева, С. Доренский, Е. Малинин, В. Кастельский.

Система голосования, кажется, была призвана в корне пресечь слухи о предопределенности результатов конкурса. Голосование проходило анонимно. О его результатах было известно лишь

Максим Филиппов

Род. в 1972 году. Учился в ЦМШ им. И. Дунаевского, с 1987 года — в ЦМШ, с 1990 — студент Московской консерватории (класс профессора В. Горностаевой). Лауреат Международных конкурсов пианистов в Порто — I премия, 1991 год; имени Артура Рубинштейна в Тель-Авиве — V премия, 1992 год.

членам счетной комиссии. Педагоги не оценивали своих учеников (и даже слушателей майстер-классов). Мнения, расходящиеся с другими более, чем на 3 балла, не учитывались.

Окончательный результат складывался из оценок, полученных участниками во всех трех турах (во втором туре сольная и камерная программы оценивались отдельно). Однако, несмотря на объективность такой системы, уже после второго тура (и бри-

Марк Вайнер

Род. в 1972 году. Окончил ССМШ при Ленинградской консерватории (класс А. Рубиной). С 1991 года — студент Санкт-Петербургской консерватории (класс профессора Е. Пшибко).

02.93

Рахманинов